

Check for updates

Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

УДК 821.161.1

EDN JWTIBM

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-4-327-334>

Феномен «понимание» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» в ракурсе «Рабочих записей 60-х — начала 70-х годов» М. М. Бахтина

В. Д. Галай¹, О. В. Евдокимова^{✉2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Галай, В. Д., Евдокимова, О. В. (2024) Феномен «понимание» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» в ракурсе «Рабочих записей 60-х — начала 70-х годов» М. М. Бахтина. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 6, № 4, с. 327–334. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-4-327-334> EDN JWTIBM

Получена 30 сентября 2024;
прошла рецензирование 15 ноября 2024;
принята 27 ноября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. Д. Галай, О. В. Евдокимова (2024).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация. Рассматривается воплощение феномена «понимание» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» на уровне его поэтики (специфика слова, сюжет, композиция, событие) и смыслов. Основой исследования становится лексический анализ текста. В соответствии с герменевтическим принципом представления целого по его части, аспектно изучается первая часть пятой главы второй части романа. Выявлено, что словообраз «слишком понимаю», во-первых, индивидуален (контексты употребления этого сочетания у Ф. М. Достоевского указывают на способность к особенной пронизательности, на умение увидеть «невидимое», на глубину проникновения в душу другого, на мучительность осознания трагедии), во-вторых, содержит те особенности, которые отсылают к концепции «активно-диалогического понимания» М. М. Бахтина. Обозначенная концепция константна для философского творчества исследователя в целом, но центральна для «Рабочих записей 60-х — начала 70-х годов». Этот труд не только развивает тему понимания в разных аспектах, но и демонстрирует процесс понимания, свойственный его автору. Установлено, что процесс «активно-диалогического понимания», характерный и для художественного (Ф. М. Достоевский), и для эстетико-философского (М. М. Бахтин) текстов способствует созданию их целостности. Это еще раз доказывает, что М. М. Бахтин обратился к изучению текстов Ф. М. Достоевского не для того, чтобы воплотить ту или иную свою философскую идею, а потому, что открыл в его художественном творчестве близкое себе внимание к познанию основных законов сознания и развития целостной личности.

Ключевые слова: феномен «понимание», Ф. М. Достоевский, роман «Подросток», М. М. Бахтин, «Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов»

The phenomenon of understanding in F. M. Dostoevsky's novel *The Adolescent* from the perspective of 'Working Notes from the 1960s and Early 1970s' by M. M. Bakhtin

V. D. Galaj¹, O. V. Evdokimova^{✉2}

¹ Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

² Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Galaj, V. D., Evdokimova, O. V. (2024) The phenomenon of understanding in F. M. Dostoevsky's novel *The Adolescent* from the perspective of 'Working Notes from the 1960s and Early 1970s' by M. M. Bakhtin. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 6, no. 4, pp. 327–334. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-4-327-334>
EDN JWITIBM

Received 30 September 2024;
reviewed 15 November 2024;
accepted 27 November 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. D. Galaj, O. V. Evdokimova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. This article analyses how the phenomenon of understanding in F. M. Dostoevsky's novel *The Adolescent* manifests itself at the level of poetics (specificity of the word, plot, composition and event) and meanings. Our research builds on a lexical analysis of the text. We apply the hermeneutic principle of representing the whole through its part to an aspective analysis of Part 1 of Chapter 5 in Part 2 of the novel. We found out that, firstly, the phrase 'to understand only too well' is individual (the contexts in which Dostoevsky uses this combination point to a capacity for special insight, an ability to see the 'invisible', the depth of an insight into another person's soul and the tormenting awareness of a tragedy); secondly, some of its features refer to M. M. Bakhtin's concept of 'active dialogical understanding'. This concept is intrinsic to the philosophical oeuvre of this researcher as a whole, but is central to his 'Working Notes from the 1960s and Early 1970s'. This piece of writing not only develops the topic of understanding in its various aspects but also brings out the process of understanding, so characteristic of its author. We show that the process of 'active dialogical understanding', typical of both artistic (Dostoevsky's) and aesthetic-philosophical (Bakhtin's) texts, contributes to their integrity. This proves once again that Bakhtin did not focus on Dostoevsky's texts to materialise any philosophical idea of his own, but because of the attention to the knowledge of the basic laws of consciousness and development of a comprehensive personality which he had discovered in Dostoevsky's fiction and which was so close to him.

Keywords: phenomenon of understanding, F. M. Dostoevsky, novel *The Adolescent*, M. M. Bakhtin, 'Working Notes from the 1960s and Early 1970s'

В 2025 году исполняется 150 лет с момента публикации романа «Подросток», однако этот текст до сих пор остается наименее исследованным в сравнении с другими произведениями «великого пятикнижия» Ф. М. Достоевского. «Подросток» изучался в рамках традиции романа воспитания (Бурсов 1971; Воронина 2015; Демченкова 2001), исповедального жанра (Гидини 2021; Долинин 1963; Честнова 2010), как полифонический роман (Бахтин 2002; Комарович 1924). В данной статье в центре исследования — феномен «понимание». Как будет показано далее, обоснованность анализа в этом ракурсе порождена как историей создания, так и непосредственно текстом произведения.

Структурно роман представляет собой записки Аркадия Долгорукого, повествующие о череде драматических событий его юности, причина возникновения которых кроется в непонимании главным героем себя и других. Проблема понимания затрагивает разные уровни текста.

Еще в «Заметках. Планах. Набросках» Достоевский, рассуждая о форме будущего романа и выборе главного героя, писал: «Если от Я*, то придется меньше пускаться в развитие идей, которых Подросток, естественно, не может передать так, как они были высказаны, а передает только суть дела.

От Я именно тем оригинальнее, что Подросток может пренаивно пересказывать в такие анекдоты и подробности, по мере своего развития и неспелости, какие невозможны правильно ведущему свой рассказ автору» (Достоевский 1976, 98). Интенция учитывать при описании событий специфику мышления и глубину осознания происходящего главным героем была заложена еще на стадии замысла. Непонимание, по мысли Достоевского, не должно было стать препятствием для изображения и выстраивания повествования, а, наоборот, послужило основой художественного строя текста.

* Здесь и далее в цитате курсив Достоевского.

Исходя из этого, исследуемую проблему следует поставить прежде всего на повествовательном уровне. Все события в уже завершенном романе представлены через сознание главного героя — Аркадия Долгорукого, пытающегося воссоздать в записях образ мысли и взгляд на события, которые были присущи ему в момент участия в описываемых происшествиях. Подросток, в силу своего возраста и особенностей воспитания, оказывается неспособным видеть истинные намерения других, причины их поступков. Рассказчик, в свою очередь, стремится воспроизводить только те факты, которые были известны ему (герою) на момент развития событий, хотя иногда и отступает от этой установки, рефлексируя над собственным «кощунственным» непониманием: «Фактами, фактами!.. Но понимает ли что-нибудь читатель? Помню, как меня самого давили тогда эти же самые факты и не давали мне ничего осмыслить, так что под конец того дня у меня совсем голова сбилась с толку» (Достоевский 1975, 394).

Проблему понимания можно поставить и на сюжетно-тематическом уровне романа. В записках Аркадий опосредованно говорит о том, что одной из причин его приезда в Петербург было желание понять собственного отца: «...ведь действительно я настолько лакей, что никак не могу удовлетвориться только тем, что Версильов не отдал меня в сапожники; даже “права” не умилили меня, а подавай, дескать, мне всего Версильова, подавай мне отца» (Достоевский 1975, 100). По ходу повествования Аркадий не просто получает новые сведения об отце, а узнает разные его ипостаси: дворянин, русский европеец, мыслитель, носитель идеи... Пытаясь понять Версильова, Аркадий фиксирует личные внутренние противоречия, обнаруживает собственную двойственность, объединяющую его с отцом, и начинает глубже понимать окружающих и самого себя. Однако это усложнение понимания, совершающееся не только вследствие взросления, но и в результате отказа от эгоцентрического взгляда на мир через призму «Ротшильдовской идеи» и перехода к мировосприятию через идею «благообразия», неравномерно, скачкообразно. Сюжетно герой проходит через ряд конфликтов, возникающих из-за коммуникативных неудач, причинами которых зачастую является непонимание речевой интенции собеседника или же контекста ситуации общения. В первой и второй частях романа развязки подобного рода конфликтов происходят не за счет последовательного понимания Подростком истинных намерений окружающих, а вследствие прямого объяснения

сути событий другими героями. В последних главах третьей части болезнь становится символом внутреннего преобразования главного героя. Под влиянием «откровений» Макара Ивановича Аркадий получает возможность взглянуть на мир глазами другого.

То, что предложенная проблематика исследования соприродна творческому замыслу Достоевского, подтверждает лексический уровень текста. Всего в романе 304 употребления слова «понимать» и его дериватов. Распределение частотности употребления по частям романа таково: первая часть — 109 словоформ; вторая — 78; третья — 117. Один из распространенных случаев употребления слова «понимать» и его дериватов — парадоксальные попытки Подростка напрямую обратиться к читателю. Парадокс заключается в том, что при сознательной установке рассказчика на отсутствие адресата и следующем из нее отказом от художественности, декларируемом в первой главе первой части романа, в произведении присутствуют эксплицитные обращения к читателю исповеди, выраженные конструкциями следующего типа: «чтоб было понятнее читателю» (Достоевский 1975, 6), «но понимает ли что-нибудь читатель?» (Достоевский 1975, 394) и т. д. Всего таких случаев: 6 в первой части, 1 во второй и 3 в третьей. Наиболее частотным употреблением дериватов лексемы «понимать» в первой части романа становится потому, что в начале повествования понимание истории героя невозможно без знания его биографии. Во второй части романа частотность употребления слова сокращается вследствие текстовой стратегии, направленной на воспроизведение естественного хода событий и передачи непосредственного образа мысли Подростка и его реакций на происходящее без дополнительных пояснений со стороны рассказчика. В третьей части частотность употребления вновь возрастает из-за особенностей сюжетного действия романа: в финале происходит раскрытие интриги, затрагивающей несколько сюжетных линий (любовь-ненависть Версильова и Ахмаковой, интерес Ламберта к Подростку, вызванный намерением похитить документ), развитие которых происходит вне поля зрения героя. Идущая вразрез с первоначальной установкой на отсутствие читателя тенденция прямого к нему обращения указывает на потребность рассказчика в адресате. Подросток одновременно припоминает подробности, чтобы выстроить для себя череду поразивших его событий, и заботится о читателе, пытаясь предугадать, что понадобится ему для понимания описываемых событий и состояний.

На протяжении текста очевидно частое употребление словообраза «слишком понимаю», например: «Я слишком понимаю, как сложилась душа ваша...» (Достоевский 1975, 209); «Разумеется, я слишком понимаю, что это только случай; но ведь таких-то случаев я и ищу, для того-то и порешил жить на улице» (Достоевский 1975, 70); «...я знаю, что это было “логично”, и слишком понимаю неотразимость текущей идеи» (Достоевский 1975, 375).

Примечательна нетипичность этого словосочетания с точки зрения норм русского языка. Она состоит в том, что слово «слишком» является наречием степени и может употребляться только с прилагательными и наречиями в положительной степени (Шведова 1980, 702). По результатам поиска в Основном подкорпусе (Национальный корпус русского языка... 2024) Национального корпуса русского языка по состоянию на 06.03.2024 обнаружено, что впервые данное словосочетание появляется в романе Достоевского «Бесы», затем наибольшее число употреблений встречается в «Подростке», а после это выражение лишь изредка появляется в других художественных текстах (подробнее о Национальном корпусе русского языка и принципах работы с ним смотри (Савчук и др. 2024)).

В романе «Подросток» есть три философских отступления о понимании. Часть из них связана именно с пониманием идей. Аркадий размышляет над характерной для русской мысли глубиной и невыразимым в ней: «Я уже предупредил, что простейшие идеи понимаются всех труднее; теперь прибавлю, что и излагаются труднее, тем более что я описывал “идею” еще в прежнем виде. Есть и обратный закон для идей: идеи пошлые, скорые — понимаются необыкновенно быстро, и непременно толпой, непременно всей улицей; мало того, считаются величайшими и гениальнейшими, но — лишь в день своего появления. Дешевое не прочно. Быстрое понимание — лишь признак пошлости понимаемого» (Достоевский 1975, 77). Противопоставлены быстрота и длительность процесса понимания.

Лексический анализ демонстрирует, что феномен «понимание» константен на протяжении всего романа, однако наиболее очевиден во второй части, когда он проявляется имплицитно: рассказчик стремится фиксировать взгляд «прошлого» себя на события без каких-либо комментариев, и вследствие этого слово «понимать» практически исчезает из его речи. В силу данной особенности выбран материал для аспектного анализа феномена «понимание» — первая часть пятой главы второй части романа. Она описывает семейную ссору, возникшую из-за

замечания брата сестре; эта сцена представляет собой не замкнутое происшествие, а событие, включенное рассказчиком в сюжетную канву второй части, когда из-за невнимательности к фактам, свидетельствующим о взаимоотношениях сестры и князя Сережи, Подросток своими действиями наносил неоправданную обиду членам своей семьи, что впоследствии повзрослевшим рассказчиком оценивается как нравственное падение. Специфика концентрической композиции дает возможность гипотетически спроецировать результаты, полученные при изучении одной главы, на остальные, следуя герменевтическому принципу описания целого по его части.

Роман строится по принципу концентрической композиции и состоит из ряда повторяющихся сюжетных ситуаций, в основе которых лежит неспособность героя к пониманию. Говоря о художественной роли такой композиции, нужно обратить внимание на то, что феномен «понимание» в романе «Подросток» проявляется динамично, процессуально, в опыте сознания. Автор описывает не отдельные завершенные микросюжеты — случаи непонимания Подростком окружающих, приводящие к конфликтам, — а именно взаимосвязь подобного рода сюжетных событий в процессе внутреннего становления главного героя.

Во второй части романа продолжает развиваться тема денег. Если в первой части вопрос о деньгах рассматривался в ракурсе «Ротшильдовской идеи» и деньги символизировали власть над окружающими, а отказ от накопленных миллионов трактовался Подростком как широкий жест, предел возможной свободы личности и господства над людьми, то во второй части эта тема переплетается с темой нравственной чистоты. Аркадий, не подозревая о связи своей сестры Лизы с князем Сережей, берет деньги у него, пользуясь, как ему кажется, дружеским расположением князя, а также тем, что часть наследства Сокольников принадлежит его отцу. Однако в композиции второй части романа присутствует ряд сцен, в которых другие герои (Версиков, Стебельков и Татьяна Павловна) намекают Подростку на двоякую мотивировку его поступка в глазах других.

Центральный конфликт сцены строится на разночтении попытки Аркадия уколоть сестру: «Вы, сударыня, — обратился я вдруг к ней, — кажется, часто посещаете в квартире князя Дарью Онисимовну? Так не угодно ли вам передать ему самой вот эти триста рублей, за которые вы меня сегодня уж так пилили! Я вынул деньги и протянул ей» (Достоевский 1975, 214). Языковая игра с согласованием по категории

рода личного местоимения мужского рода «его» и определительного местоимения женского рода «самой» неточно выражает мысль Подростка. Если Аркадий хотел указать на то, чтобы сестра «не встревала» в его взаимоотношения с Сокольским, то окружающие прочитывают в этом высказывании намек, что брат знает о свиданиях Лизы с князем Сережей, которые проходят под предлогом визита к Дарье Онисимовне, и, более того, пользуется этим для шантажа.

Одним из художественных средств, позволяющих читателю самостоятельно выявить ошибки в опыте понимания Подростком событий, становится темп повествования. Динамичные сцены периодически прерываются детальным описанием психологического состояния собеседника. Писатель замедляет темп повествования и с помощью этого акцентирует внимание на деталях в поведении окружающих, выдающих непонимание главным героем целостной картины событий. Так, Достоевский подробно описывает реакцию Софьи Андреевны на слова сына: «Но каково было мое изумление, когда вдруг встала мама и, подняв передо мной палец и грозя мне, крикнула: — Не смей! Не смей!»

Ничего подобного этому я не мог от нее представить и сам вскочил с места, не то что в испуге, а с каким-то страданием, с какой-то мучительной раной на сердце, вдруг догадавшись, что случилось что-то тяжелое. Но мама не долго выдержала: закрыв руками лицо, она быстро вышла из комнаты. Лиза, даже не глянув в мою сторону, вышла вслед за нею» (Достоевский 1975, 214). Подобная реакция резко контрастна сущностному в Софье Андреевне (кротости и смирению). Читатель может сопоставить характеристику героини в этой сцене с другими, например, в первой части, когда Аркадий приносит свое первое жалованье. Внимание читателя за счет резкой смены темпа повествования концентрируется на реакции собеседника героя, переданной через изображение деталей мимики, поведения. Подобного рода жесты указывают на верную трактовку высказывания, которое может быть прочитанным в нескольких ракурсах. Ключом к верному пониманию становится точка зрения собеседника Подростка, на которой делает акцент автор.

Однако в тексте присутствует и прямо противоположный прием. Понимание может быть выражено молчанием. Так, в финале описанного эпизода Версилов упорно молчит и в итоге произносит всего лишь одну фразу: «Я полагаю, что ты вовсе не так глуп, а только невинен, — промямлил он мне насмешливо» (Достоевский 1975, 214). Характеризуя Подростка как невинного, Версилов не только понимает суть оскорбления,

случайно нанесенного Софье Андреевне и Лизе словами Аркадия, но и причины действий своего сына: Подросток даже не может допустить, что его сестра бесчестна. При этом Андрей Петрович практически не вмешивается в перепалку Татьяны Павловны и Аркадия, не говорит ему напрямую о намерениях князя загладить свою вину перед их семейством деньгами.

В начале второй части романа «взрослый» Аркадий, предваряя описание событий, замечает, что непонимание не освобождает его от этической ответственности за развитие событий, к которым он был невольно причастен: «Позор! Читатель, я начинаю теперь историю моего стыда и позора, и ничто в жизни не может для меня быть постыднее этих воспоминаний! Так говорю, как судья, и знаю, что я виновен. В том вихре, в котором тогда закружился, я хоть был и один, без руководителя и советника, но, клянусь, и тогда уже сам сознавал свое падение, а потому неизвиним» (Достоевский 1975, 163). Тема суда в последующих главах неоднократно раскрывается в диалогах Подростка с князем Сережей, мучимым ответственностью одновременно за несчастье Лизы и за собственную честь, а также в поучениях Версилова. В анализируемом эпизоде этот герой замечает, что «одна умная женщина мне сказала однажды, что я не имею права других судить потому, что “страдать не умею”, а чтобы стать судьей других, надо выстрадать себе право на суд» (Достоевский 1975, 211). Именно под влиянием этого принципа, принадлежащего отцу, уже прошедший через страдания от осознания истинного значения своих поступков повзрослевший Аркадий обретает возможность осудить прошлого себя, что и совершается при воспроизведении событий прошлого в записках. При этом, повторим, герой отмечает, что непонимание не является условием для возможности прощения. Так, в анализируемом эпизоде повествование прерывается восклицанием Аркадия: «Я вынул деньги и протянул ей. Ну поверят ли, что низкие слова эти были сказаны тогда без всякой цели, то есть без малейшего намека на что-нибудь. Да и намека такого не могло быть, потому что в ту минуту я ровнешенько ничего не знал. Может быть, у меня было лишь желание чем-нибудь кольнуть ее <...>» (Достоевский 1975, 214). Происходит то, что Достоевский называет «выстрадать право на суд» (Достоевский 1975, 211). Воспроизводя историю своего «гнушенного падения и разврата» (Достоевский 1975, 349), герой мучительно осознает свою парадоксальную невинность из-за незнания, но при этом и сущностную виновность в содеянном. Сам процесс прохождения через этот суд над собой позволяет

не только установить правду о прошлом и о том, состоит ли вина рассказчика исключительно в его незнании, но и сообщает процессу понимания этический смысл. Изменение отношения к себе самому, происходящее в восприятии прошлого, позволяет герою приблизиться к истине: без другого невозможно понимание себя.

Изображение процесса понимания, воплощение феномена «понимание» соприродно «активно-диалогическому пониманию» М. М. Бахтина, зафиксированному в «Рабочих записях 60-х — начала 70-х годов».

«Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов» — это последняя работа Бахтина, состоящая из опубликованных черновиков ученого, содержащих его примечания к прошлым трактатам и наброски для будущих трудов. Самой структуре бахтинских записей свойственна диалогичность в том смысле, что в них автор раз за разом возвращается к осмыслению феномена «понимание» в новых контекстах: «жажда понимания» в спектре «междучеловеческих чувств» (Бахтин 2002, 252), понимание и границы интерпретации художественного произведения (Бахтин 2002, 271), молчание и понимание (Бахтин 2002, 254).

И для Достоевского, и для Бахтина характерно восприятие понимания как длительного процесса. Бахтин в «Рабочих записях 60-х — 70-х годов» пишет о том, что «нельзя понимать понимание как вчувствование и становление себя на чужое место (потеря своего места). Это требуется только для периферийных моментов понимания. Нельзя понимать понимание как перевод с чужого языка на свой язык» (Бахтин 2002, 271). Диалогичность, этичность понимания подчеркнута и в описании Бахтиным этапов «активно-диалогического понимания»: «1. Психологическое восприятие физического знака (слова, цвета, пространственной формы). 2. Узнавание его (как знакомого или незнакомого). Понимание его повторимого (общего) значения в языке. 3. Понимание его значения в данном контексте (ближайшем и более далеком). 4. Активно-диалогическое понимание (спор-согласие). Включение в диалогический контекст. Оценочный момент в понимании и степень его глубины и универсальности» (Бахтин 2002, 283).

Смысловое пересечение воплощения феномена «понимание» и у писателя, и у философа происходят в связи темами суда и обретения личности. Как в концепции становления «я-для-себя» (Бахтин 2002, 267) через суд нельзя изменить событие бытия, но можно пересмотреть его смысл, так и в романе рассказчик не может повлиять на происшествя прошлого, однако сам процесс их описания помогает установить

истину, заключающуюся в ответственности героя за результаты его поступков, которые нельзя оправдать непониманием. Установление истины приводит и к внутреннему изменению Аркадия, выражающемуся в усовершенствовании себя в мысли и слове.

Прямая постановка рассматриваемой проблемы не содержится ни в одной из научных статей, однако в ряде из них она изучается косвенно, через круг сходных, таких как влияние выбора рассказчика на структуру и смысл произведения (Долинин 1963; Мочульский 1995), приемы умолчания и словесного табу (Гидини 2021; Меерсон 2021), традиция исповедального жанра (Гидини 2021; Долинин 1963; Мочульский 1995), связь отдельных образов с внутренним становлением героя (Сыроватко 2012), стихия вопрошания (Конюхов 2007). Но понимание в романе феноменально: оно охватывает и объединяет все уровни поэтики и смысла текста.

Если говорить о глубинном условии близости воплощения феномена «понимание» в художественном произведении великого романиста и в черновых набросках великого философа, то необходимо констатировать, что феноменальность понимания дана у них в опыте «непосредственного познания» (Исупов 2016).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

О. В. Евдокимова: автор идеи и проекта в целом, консультант по отбору материала для исследования, текст: логика построения.

В. Д. Галай: соавтор в развитии этапов концепции, поиск материала для исследования, создание текста под руководством автора проекта, оформление текста.

Author Contributions

O. V. Evdokimova: proposing the idea of the project, managing the project, consulting on the selection of the research material, identifying the logic behind the manuscript.

V. D. Galaj: contributing to the development of the project concept, searching for research material, drafting the manuscript, formatting the text.

Источники

- Бахтин, М. М. (2002) «Проблемы поэтики Достоевского». Работы 1960-х–1970-х гг. В кн.: *Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6*. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 800 с.
- Достоевский, Ф. М. (1975) Подросток. В кн.: *Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13*. Л.: Наука, 456 с.
- Достоевский, Ф. М. (1976) Подросток. Рукописные редакции. В кн.: *Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 16*. Л.: Наука, 440 с.
- Национальный корпус русского языка*. (2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 06.03.2024).
- Савчук, С. О., Архангельский, Т. А., Бонч-Осмоловская, А. А и др. (2024) Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, № 2, с. 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>

Словари

- Шведова, Н. Ю. (ред.). (1980) *Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. М.: Наука, 783 с.

Литература

- Бурсов, Б. И. (1971) «Подросток» — роман воспитания. *Аврора*, № 11, с. 64–71.
- Воронина, Э. А. (2015) «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания: своеобразие жанровой модели. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*, т. 12, № 2, с. 15–21.
- Гидини, М. К. (2021) Исповедь и письмо в романе Достоевского «Подросток». *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, № 3 (15), с. 39–52. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-3-39-52>
- Демченкова, Э. А. (2001) «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания (жанр и поэтика). *Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук*. Екатеринбург, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 326 с.
- Долинин, А. С. (1963) *Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы»*. М.; Л.: Советский писатель, 343 с.
- Исупов, К. Г. (2016) *Метафизика Достоевского*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, с. 89.
- Комарович, В. Л. (1924) Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство. В кн.: А. С. Долинин (ред.). *Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 2*. Л.; М.: Мысль, с. 31–68.
- Конюхов, А. Ф. (2007) *Стихия вопрошания в романе Ф. М. Достоевского «Подросток». Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Магнитогорск, Магнитогорский государственный университет, 24 с.
- Меерсон, О. А. (2021) «Подросток» как воспитание чувств. *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, № 2 (14), с. 18–36. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-2-18-36>
- Мочульский, К. В. (1995) *Гоголь. Соловьев. Достоевский*. М.: Республика, 606 с.
- Сыроватко, Л. В. (2012) Фотодосия у Достоевского. Светопись «Великого Пятикнижия»: общий очерк. В кн.: С. Алоэ (ред.). *Достоевский: философское мышление, взгляд писателя*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 363–397.
- Честнова, Н. Ю. (2010) Об исповедальной интенции в романе Ф. М. Достоевского «Подросток». В кн.: И. С. Юхнова (ред.). *Грехнёвские чтения: словесный образ и литературное произведение. Сборник научных трудов. Вып. 6*. Нижний Новгород: КНИГИ, с. 77–82.

Sources

- Bakhtin, M. M. (2002) “Problemy poetiki Dostoevskogo”. Raboty 1960-kh–1970-kh gg. [Problems of Dostoevsky’s poetics. Works of the 1960s–1970s]. In: *Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 6* [Collected works: In 7 vols. Vol. 6]. Moscow: Russkie slovari Publ.; Languages of Slavic Cultures Publ., 800 p. (In Russian)
- Dostoevsky, F. M. (1975) Podrostok [The Adolescent]. In: *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 13* [The complete collected works: In 30 vols. Vol. 13]. Leningrad: Nauka Publ., 456 p. (In Russian)
- Dostoevsky, F. M. (1976) Podrostok. Rukopisnye redaktsii [The Adolescent. Handwritten editions]. In: *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 16* [The complete collected works: In 30 vols. Vol. 16]. Leningrad: Nauka Publ., 440 p. (In Russian)
- Natsional’nyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. (2024) [Online]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 06.03.2024). (In Russian)
- Savchuk, S. O., Arkhangelskiy, T. A., Bonch-Osmolovskaya, A. A et al. (2024) Natsional’nyj korpus russkogo yazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya [Russian national corpus 2.0: New opportunities and development prospects]. *Voprosy yazykoznanija*, no. 2, pp. 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34> (In Russian)

Dictionaries

Shvedova, N. Yu. (ed.). (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [The Russian grammar: In 2 vols. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Nauka Publ., 783 p. (In Russian)

References

- Bursov, B. I. (1971) “Podrostok” — roman vospitaniya [“The Adolescent” as a bildungsroman]. *Avrora*, no. 11, pp. 64–71. (In Russian)
- Chestnova, N. Yu. (2010) Ob ispovedal'noj intentsii v romane F. M. Dostoevskogo “Podrostok” [On the confessional intention in F. M. Dostoevsky’s novel *The Adolescent*]. In: I. S. Yukhnova (ed.). *Grekhnevskie chteniya: slovesnyj obraz i literaturnoe proizvedenie. Sbornik nauchnykh trudov Vyp. 6* [Grekhnev readings: Verbal image and fiction. Collection of scientific works. Iss. 6]. Nizhny Novgorod: KNIGI Publ., pp. 77–82. (In Russian)
- Demchenkova, E. A. (2001) “Podrostok” F. M. Dostoevskogo kak roman vospitaniya (zhanr i poetika). *Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [“The Adolescent” by F. M. Dostoevsky as a bildungsroman (genre and poetics)]. PhD dissertation (Philology). Ekaterinburg, A. M. Gorky Ural State University, 326 p. (In Russian)
- Dolinin, A. S. (1963) *Poslednie romany Dostoevskogo. Kak sozdavalis’ “Podrostok” i “Brat’ya Karamazovy”* [Dostoevsky’s last novels. How “The Adolescent” and “Brothers Karamazov” were created]. Moscow; Leningrad: Sovetskij pisatel’ Publ., 343 p. (In Russian)
- Ghidini, M. C. (2021) Ispoved’ i pis'mo v romane Dostoevskogo “Podrostok” [Confession and writing in Dostoevsky’s novel *The Adolescent*]. *Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal — Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, no. 3 (15), pp. 39–52. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-3-39-52> (In Russian)
- Isupov, K. G. (2016) *Metafizika Dostoevskogo* [Dostoevsky’s metaphysics]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., p. 89. (In Russian)
- Komarovich, V. L. (1924) Roman Dostoevskogo “Podrostok” kak khudozhestvennoe edinstvo [Dostoevsky’s novel “The Adolescent” as an artistic unity]. In: A. S. Dolinin (ed.). *F. M. Dostoevskij. Stat'i i materialy. Vyp. 2* [F. M. Dostoevsky. Articles and materials. Iss. 2]. Leningrad; Moscow: Mysl' Publ., pp. 31–68. (In Russian)
- Konyukhov, A. F. (2007) *Stikhiya voprosaniya v romane F. M. Dostoevskogo “Podrostok”* [The element of questioning in F. M. Dostoevsky’s novel “The Adolescent”]. *Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University, 24 p. (In Russian)
- Meerson, O. A. (2021) “Podrostok” kak vospitanie chuvstv [The Adolescent as a sentimental education]. *Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal — Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, no. 2 (14), pp. 18–36. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-2-18-36> (In Russian)
- Mochul'skij, K. V. (1995) *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij* [Gogol, Solovyov, Dostoevsky]. Moscow: Respublika Publ., 606 p. (In Russian)
- Syrovatko, L. V. (2012) Fotodosiya u Dostoevskogo. Svetopis’ “Velikogo Pyatiknizhiya”: obshchij ocherk [Painting of lights in the Five Great Novels. A general outline]. In: S. Aloe (ed.). *Dostoevskij: Filosofskoe myshlenie, vzglyad pisatelya* [Dostoevsky: Philosophical thinking, a writer’s view]. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., pp. 363–397. (In Russian)
- Voronina, E. A. (2015) “Podrostok” F. M. Dostoevskogo kak roman vospitaniya: svoeobrazie zhanrovoj modeli [Dostoevsky’s novel “The Adolescent” as a bildungsroman: Peculiarities of the genre model]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika — Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, vol. 12, no. 2, pp. 15–21. (In Russian)

Сведения об авторах

Вера Денисовна Галай, e-mail: vera628@yandex.ru

Магистрант филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Ольга Владимировна Евдокимова, SPIN-код: [7414-9829](https://orcid.org/7414-9829), Scopus AuthorID: [57958228900](https://orcid.org/57958228900), ORCID: [0000-0003-2558-1297](https://orcid.org/0000-0003-2558-1297), e-mail: kafrusliterat@yandex.ru

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Authors

Vera D. Galaj, e-mail: vera628@yandex.ru

Master’s student, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University

Olga V. Evdokimova, SPIN: [7414-9829](https://orcid.org/7414-9829), Scopus AuthorID: [57958228900](https://orcid.org/57958228900), ORCID: [0000-0003-2558-1297](https://orcid.org/0000-0003-2558-1297), e-mail: kafrusliterat@yandex.ru

Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia